

Мархгейм М.В.
**«ЦЕНЗ ЗНАНИЙ» М.М. СПЕРАНСКОГО: СУДЬБА ИДЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ
СТРОИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ**

Аннотация: В статье акцентировала роль знаний в судьбе самого М.М. Сперанского, в его преобразовательных обоснованиях мотивации к получению знаний и «доставления» способов к просвещению, в аргументации доступа к чинам по преимуществу знаний, а не по преимуществу рождения, в заботе о развитии высшего юридического образования в России. Сделан вывод о не спадающей актуальности вопросов, поднятых великим российским реформатором более двух веков назад.

Ключевые слова: Сперанский М.М., ценз знаний, государственное строительство, юридическое образование.

Памятные научные мероприятия, которые ежегодно проводятся кафедрой конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ» в память о выдающихся ученых-юристах Н.В. Витруке и Г.В. Мальцеве, с которыми мы были лично знакомы и в 20, и в 21 веке, – это всегда и ответственно, и трепетно.

Но оказалось, что научное волнение может возникать при знакомстве с личностями, жившими и творившими века назад, по их трудам, по воспоминаниям их современников, по выводам наших современников, по нюансам увековечения имени.

В такой мотивированный научно-познавательный процесс, наполненный интересными фактами, юридическими документами, свидетельствами о судьбоносных событиях, несомненными противоречиями и личностными открытиями погрузился, полагаю, каждый, кто готовился к памяtnому мероприятию, посвященному 250-летию со дня рождения М.М. Сперанского – выдающегося

государственного деятеля, реформатора и ученого. Он, как известно, признан человеком «замечательным»: ему посвящена проникновенная биографическая статья в издании «Биографическая библиотека Ф. Павленкова: Жизнь замечательных людей» [1].

Первый авторский подступ к пополнению знаний о М.М. Сперанском, который, по запоминающемуся выражению П.В. Крашенинникова, «скорее «бренд», оставшийся после великого гражданина и вмещающий в себя различные качества (все – с подразумеваемым эпитетом «великий»:...» [3, с. 7], связан с оценкой потомками и увековечением ими его вклада в государственное строительство России. Наряду с памятниками, установленными в Белгороде и Старом Осколе, в Перми и Иркутске, есть и другое – присвоение имени М.М. Сперанского. И оказалось, что его имя носят Средняя общеобразовательная школа № 49 во Владимире, Юридическая гимназия № 9 в Ростове-на-Дону, Юридический факультет РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Юридический институт Владимирского государственного университета, Институт законодательства и правовой информации в Иркутске, аудитория имени М.М. Сперанского в юридическом институте Белгородского государственного национального исследовательского университета. Что объединяет все названное по сути? А то, что все эти учреждения служат знаниям. И это исходный аргумент в пользу фиксации «ценза знаний».

Применению именно «ценза знаний» послужило и иное. Так, опираясь на формализованные источники, работы самого М.М. Сперанского и его биографов, воспоминания о нем и соответствующие научные материалы сквозь призму знаний получилось представить «ценз знаний» М.М. Сперанского в четырех взаимовлияющих плоскостях: в его собственной судьбе; в обосновании им мотивации к получению знаний и «доставления» способов к просвещению; в аргументации доступа кчинам по преимуществу знаний, а не по преимуществу рождения; в заботе о развитии высшего юридического образования в России. Рассмотрим их.

Итак. Предпочтение «ценза знаний» «цензу образования», который более традиционен и привычен современнику, обусловлено тем, что тяга к знаниям и обнаруженные способности сказались, как свидетельствуют, на выборе фамилии «Сперанский», т.е. подающий надежды и именно в учении, поскольку под фамилией этой он был записан в епархиальной семинарии [9, с. 27]. Тяга к познанию и отличные результаты учебы в семинарии, Духовной академии, равно как и преподавание в ней математики, физики, красноречия, философии были существенным вкладом в почву его предстоящего проектирования, реформирования, организации и осуществления дел государственных.

Пользе дел государственных послужило и преподавание «основ правовередения наследнику престола, будущему Александру II» [1, с. 525]. С октября 1835 г. по апрель 1837 г., как отмечает П.В. Крашенинников, «Сперанский прочитал Александру полный курс правовередения, который включал в себя познания о государстве, сословиях, о государственных и гражданских законах, о состояниях, дворянах, городских и сельских обывателях. Отдельно ... рассказывал о политической экономии... и о повинностях» [3, с. 190]. По оценке М.А. Корфа, приведенной В.А. Томсиновым, М.М. Сперанский как преподаватель «вложил в это дело всю свою душу, все благороднейшие свои стремления... Для его знаний, для его мыслей, для истинных, задушевных его движений был такой простор, какой никогда, может быть, не открывался ему на служебном поприще. Здесь он мог и должен был говорить откровенно, свободно, смело, мог быть настоящим Сперанским» [9, с. 441].

Знания и незаурядные способности «делали Сперанского необходимым, и потому его карьера была обеспечена без обычного в то время искательства и угодливости. Сперанский ... умел сохранять нравственную независимость для того времени очень значительную» [1, с. 517]. По признанию самого М.М. Сперанского, «перейти из духовного звания в светское и поступить на службу в государственное управление заставила его жажда учения» [9, с. 457].

Даже при неоднозначных оценках поступков, интерпретациях заметок и записок М.М. Сперанского непременно отмечался его блестящий ум и познания. Император в Сперанском «нашел человека, горячо преданного тем же преобразовательным идеям, но гораздо лучше вооруженного – и по широкому философскому образованию, и по большому знакомству с русской действительностью» [1, с. 518-519].

В донесении о якобы принадлежности М.М. Сперанского к секте Ж. де Местр указывал «Этот государственный секретарь, господин Сперанский – одно из случайных явлений, возможное только в этой стране. Он попович, т. е. самого низкого происхождения. Он умен, с головою, с познаниями и особенно хорошо знает свой язык, что здесь не очень обыкновено» [9, с. 200-201].

По выражению В.О. Ключевского, «Со времен Ордина-Нащокина у русского престола не становился другой такой сильный ум: после Сперанского, не знаю, появится ли третий» [11].

В критическом отклике на работу М.М. Сперанского «Правила высшего красноречия» В.Г. Белинский подчеркнул, что такие правила «важны еще и как доказательство, что сильный ум сохраняет свою состоятельность, даже следуя по избитой дороге, и умеет сказать что-нибудь даже о предмете, всеми ложно понимаемом в его время» [7].

Представляется, что уже по таким штрихам можно судить о роли «ценза знаний» М.М. Сперанского, определившего, по сути, и его «сквозьсословное» движение до графа, и получение высочайших государственных должностей. В современном выражении это можно назвать возносящим «социальным лифтом», который по отношению к М.М. Сперанскому, увы, проявил себя и как низвергающий.

Второй, тесно связанной с предыдущей, является плоскость рассмотрения доводов М.М. Сперанского о роли «ценза знаний» в народном просвещении. В так называемой Записке к указам 1809 г. («Об усовершенствовании общего народного воспитания» [6]) он привел обоснования мотивации к получению знаний и «доставления» способов к просвещению. Им выделены два главных правительственных средства воздействия на воспитание народное: «доставление» способов к просвещению, включая «устройство училищ, библиотек и тому подобных публичных заведений» (в России давно принято и «в настоящее царствование нарочито усилено... никакое правительство не употребляло в сей части ни более щедрости, ни усилий»); побуждение и «некоторая моральная необходимость общего образования». В этой части, по М.М. Сперанскому, «правительство ограничивало себя частными поощрениями, отличиями, напоминаниями. Но учение никогда еще не было у нас поставляемо условием необходимым и обязанностию непременною для вступления в службу и занятия гражданских мест». Судя по вводной части Указа 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассессоры и Статские Советники» [14], предполагалось, что «все свободные состояния и особенно сословие Дворянское с поревнованием воспользуются открытием Университетов, Гимназий и Училищ в округах, Губерниях и уездах, со знатным иждивением казны и нарочитыми пожертвованиями самого Дворянства устроенных, и везде уже большей частью существующих, и что отечественные сии установления предпочтены будут способам учения иностранным, недостаточным и ненадежным».

Исходя из вышеуказанной Записки, М.М. Сперанский обращал внимание на три существовавших в России рода гражданского учения: учение домашнее («обыкновенно употребляется в домах дворян богатых, имеющих способы нанять учителей и гувернера»), учение в частных пансионах («есть удел дворян средних»), учение в казенных училищах («большую частью оставляется людям бедным свободных состояний»).

Домашний способ учения, как подчеркивал М.М. Сперанский, для государства «очевидно неудобен», поскольку, с одной стороны, «для великого числа людей нельзя найти довольно хороших учителей. Отсюда все те странности и укоризны, коим выбор иностранных учителей издавна и не без основания у нас толико оглашен»; с другой – «он не оставляет правительству средств наблюдать за духом воспитания и приводить юношество к некоторому единообразию общественных правил».

Учение в частных пансионах, по идее М.М. Сперанского, «в меньшей степени, но те же представляет неудобства». Учение в казенных училищах было всех предпочтительнее.

При этом у всех трех «способов учения» М.М. Сперанский выделял «главное неудобство» – ограничение «только начатками словесности», они «считают воспитание конченным, как скоро приобретено некоторое познание в иностранных языках, в арифметике и тому подобных стихийных науках, т.е. считают его поконченным там именно, где оно действительно начинается».

В качестве «значительных» оценены успехи М.М. Сперанского в сфере образования и за то, что он «разработал и осуществил программу совершенствования духовного образования в России, в соответствии с которой создавалась стройная система духовных учебных заведений, а учебные программы духовных академий были приближены к университетским учебным планам» [4, с. 41].

Совершенной преградой «учению основательному, требующему времени и некоторой зрелости», М.М. Сперанский полагал укоренившуюся практику получения чинов «большую частью по летам службы» и давал в Записках яркую этому следующую иллюстрацию «Отсюда сей общий и ясный расчет отца, желающего пристроить обыкновенным порядком судьбу детей своих. Он состоит в следующем: порядочное гражданское воспитание не может совершаться, как по крайней мере в 21-й год возраста. Студент, окончивший в сие время учение, получает по закону чин коллежского регистратора, между тем как другой, вступивший в службу прежде окончания наук или и совсем без учения, в то же самое время выходит уже по летам службы в титулярные советники. Здесь начинается разность, весьма уже приметная: между тем как ученый достигает чина коллежского ассессора, неученый с некоторым навыком и с небольшим покровительством выйдет уже в статские советники; следовательно, лучше кажется отцу скорее ввести детей в службу, нежели продолжать их науки» [7].

В Указе 24 января 1803 г. «О устройении училищ» [12] (в Указе от 6 августа 1809 г. он поименован как «правила Народного Просвещения») предписывалось «Чтоб ни в какой Губернии, спустя 5 лет по устройении в округе, к которому она принадлежит, на основании общих правил училищной части, не определять к Гражданской должности, требующей юридических и других познаний, людей, не окончивших учения в общественном или частном Училище. Разум сего постановления состоял в том, чтобы разным частям Гражданской службы доставить способных и учением образованных чиновников, чтобы трудом и успехам в науках открыть пути к деятельности, предпочтению и наградам, со службой сопряженным».

Таким образом, идеи М.М. Сперанского относительно народного «учения» были тесно связаны с его представлениями об отборе на чин по знаниям, чем подчеркивается наша идея о «цензе знаний».

Третья плоскость исследования «ценза знаний» связана с задачами доступа к чинам и открытия быстрой карьеры «образованному молодому меньшинству» «по преимуществу знаний, а не по преимуществу рождения» [1, с. 520].

Идея преимущества «ценза знаний» была формализована в ранее упоминаемых указах 1809 г.: от 3 апреля – Указ «О неприсвоении званиям Камергеров и Камер-Юнкеров никакого чина ни военного ни гражданского, и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку, с первоначальных чинов» [13] (указ о придворных званиях) и от 6 августа – Указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассессоры и Статские Советники» [14] (указ об экзаменах на чины).

В порядке аргументации доступа к чинам по преимуществу знаний, а не по преимуществу рождения, приводятся следующие идеи М.М. Сперанского: «учение никогда еще не было у нас поставлено условием необходимым и обязанностию неперемennого для вступления в службу и занятия гражданских мест в формировании образовательных учреждений» [9, с. 183].

Все чиновники должны получить установленные набор знаний, подтвержденный свидетельством о сдаче экзамена. Предусматривались два варианта получения свидетельств: по окончании курса в одном из русских университетов; после сдачи в университете экзамена по установленной программе, которая и была приложена к указу от 6 августа 1809 г. По ней претенденты на чины коллежского асессора или статского советника требовалось «знание русского языка и одного из иностранных, знание прав естественного, римского и гражданского, государственной экономии и уголовных законов, основательное знакомство с отечественной историей и элементарные сведения в истории всеобщей, в статистике Русского государства, в географии, даже в математике и физике» [15].

Были установлены и требования, предъявляемые к служащим в правительственных учреждениях. Так, указы требовали исполнителей «опытом и постепенным прохождением службы приуроченных, минутными побуждениями не развлекаемых» (от 3 апреля 1809 г.) «сведущих, обладающих твердым и отечественным образованием» (указ от 6 августа 1809 г.).

По словам С.Я. Бугаевой, «Знаменитый указ 6 августа 1809 г. ... вводил образовательный барьер» [2].

Идея М.М. Сперанского, которую мы поименовали «цензом знаний» при назначении на чины, для государственного строительства России была «и справедливой, и полезной», но оказалась проблематичной для него самого, поскольку в противовес этому создались «целые легионы сильных и озлобленных врагов. Многочисленное чиновничество, с одной стороны, а с другой – вельможная аристократия, дети которой затруднялись в своей карьере» [1, с. 520]. И М.М. Сперанскому выпала доля «претерпеть неблагоприятные последствия» за свои новаторства – озвучиваемые, описываемые и воплощаемые.

Пожалуй, меньше всего претензий адресовалось М.М. Сперанскому за его идеи по развитию в России высшего юридического образования, хотя и было это в контексте указной задачи: «все части государственного служения требуют сведущих исполнителей». В порядке уточнения отметим, что это был уже «ценз специальных знаний».

Вероятно, именно с юридическим образованием он связывал реализацию «любимой своей и драгоценнейшей идеи законности», в борьбе за которую он «потерпел крушение» [10]. Не отказавшись от самой идеи, М.М. Сперанский «сузил арену своей деятельности, направил все свои усилия против одной из нескольких причин господства беззакония, – отсутствия Свода и вытекавшего отсюда поголовного невежества юридического» [10]. В ходе работы над систематизацией российского законодательства в качестве официального и доверенного юрисконсульта русского правительства пришло полное понимание масштаба потребности в обучении «молодых людей законоведению

(правоведению) для применения на практике правовых норм, для дальнейшего совершенствования законоположений» [3, с. 183].

Как отмечается в литературе, в Российской империи «даже не преподавали российское право» [3, с. 183], «в университетах юридические факультеты были очень плохо поставлены, русское правоведение не преподавалось, вернее, его не существовало» [1, с. 525]. После обнародования Свода законов, по словам Ф.Л. Морозкина, приведенным П.В. Крашенинниковым, «начинается полное догматическое изучение российского законодательства и новейшей его истории» [3, с. 184], в том числе в рамках созданных по предложению М.М. Сперанского Царскосельского лицея и Училища правоведения в Петербурге. Последнее явило миру не только великих юристов. Многие его выпускники нашли себя в других сферах, оставшись при этом юристами по образованию.

Во изменение ситуации в России с высшим юридическим образованием М.М. Сперанский инициировал отбор из лучших студентов духовных академий и университетов «около десятка молодых людей» для направления их в Германию «в лучшие юридические факультеты для теоретической подготовки к правоведению с тем, чтобы потом стать основателями и пионерами русского правоведения» [1, с. 525]. Этими мерами внесен неоценимый вклад в создание в России «системы профессионального юридического образования» [8, с. 41].

Рассмотрев «ценз знаний» М.М. Сперанского в исходно заданных плоскостях и опираясь при этом на источники, современные ему и нам, складывается устойчивое впечатление о не спадающей актуальности поднятых великим российским реформатором вопросов. Постановку проблем и аргументацию в необходимости их разрешения, предлагавшиеся М.М. Сперанским более двух веков назад, можно отнести к столь давно минувшим временам не по исчерпанности вопросов, а только по «не сегодняшней» стилистике и словоупотреблению. Невольно возникают, удерживаются и спорят мысли о том, что государственное строительство России опирается либо на ложные идеи, либо на недолжные механизмы. Возможно, здесь стоит прислушаться к выводу М.М. Сперанского «Сколько бедствий, сколько крови можно было бы сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовывались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа» [5, с. 19].

Список цитируемой литературы:

1. Биографическая библиотека Ф. Павленкова: Жизнь замечательных людей: В 3-х т. Т.2: XVII-XVIII вв. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 800 с.
2. Бугаева С.Я. Образование и образовательный ценз в российском праве XIX в. // <https://elar.ufrf.ru/bitstream/10995/2741/1/pristr-02-07.pdf>
3. Крашенинников П.В. Семь жизней графа Сперанского. – М. : Издательство «Эксмо», 2021. 216 с.
4. Осипов И.Д. Истинная монархия графа М.М. Сперанского // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 3-42.
5. Плань государственнаго преобразования графа М.М. Сперанскаго. – М.: Издание «Русской мысли», 1905. 363 с.
6. Об усовершеннии общего народного воспитания // Русская старина. 1907. № 12. С. 730-735.
7. Сперанский М.М. Об усовершеннии общего народного воспитания // http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_ob_usovershenii.html
8. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. 680 с.
9. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии : Исторический портрет М.М. Сперанского. – М. : Молодая гвардия, 1991. 336 с. С. 27.
10. <http://deduhova.ru/statesman/mihail-mihajlovich-speranskij/>
11. <http://mnemosyne.ru/library/kljuhevskij-2.html>
12. <https://base.garant.ru/58101823/>
13. <https://base.garant.ru/58101905/>
14. <https://base.garant.ru/58101907/>
15. https://vuzlit.ru/665039/ukaz_pridvornyh_zvaniyah

Сведения об авторе:

Мархгейм Марина Васильевна – заведующий кафедрой конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», доктор юридических наук, профессор, markheim@bsu.edu.ru